

18+

Саша Игин

Лудоман

Человек играющий

Саша Игин

Лудоман. Человек играющий

«Издательские решения»

Игин С.

Лудоман. Человек играющий / С. Игин — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Богатый человек стоял у стеклянной стены своего небоскреба. Он выигрывал города. Он проигрывал женщин. Ночь пахла порохом и виски. Лев Тальский знал: свет — это иллюзия, за которую платят последним. Он шел в темноту, потому что темнота — это ставка. Самая честная. «Человек не может победить ночь. Но он может выбрать, что поставить. Я ставил всё. Это была хорошая игра». Сзади остались миллиарды. Впереди — ничто. Но ничто тоже принимают.

© Игин С.

© Издательские решения

Содержание

Часть первая. «Тот, кто не проигрывает»	6
Глава 1. Утро	6
Глава 2. Встреча в «Атлантисе»	8
Глава 3. Русская рулетка	10
Глава 4. Утро начинается с запаха кофе и цифр	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Лудоман Человек играющий

Саша Игин

© Саша Игин, 2026

ISBN 978-5-0069-8452-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая. «Тот, кто не проигрывает»

Глава 1. Утро

Кофе был черный. Горячий. Лев Тальский не любил сахар. Сахар делал мысли мягкими, как подушки. А подушки — для мертвых.

Он сидел у окна. Сорок второй этаж. Москва внизу дышала смогом и деньгами. Экран ноутбука горел синим. Цифры вчерашнего контракта — столбики, графики, красное и зеленое.

— Тридцать семь миллионов, — сказал он вслух. Пустой комнате.

Голос прозвучал твердо. Но руки под столом дрожали. Он не смотрел на них.

Цифры двигались. Это были быки. Большие, ленивые быки с жирными боками. Они стояли на месте. Ждали. Лев толкал их рогами. Сначала мягко. Потом жестче.

— Ну, — сказал он. — Давай.

Быки не двигались.

Он налил второй кофе. Жена еще спала. Он слышал ее дыхание через стену — ровное, спокойное. Дыхание человека, который не знал, что такое утро с цифрами.

В 9:15 рынок открылся в Лондоне.

Лев сделал три сделки. Короткие. Быстрые. Как удары. И вышел в плюс на двести двадцать тысяч долларов.

— День выигран, — сказал он.

Руки дрожали сильнее.

***

Вошел Павел. Дворецкий. Семь лет работал. Знал, что в первые полчаса после открытия Лев не говорит.

— Доброе утро, Лев Андреевич. Завтрак?

— Оставь.

Павел поставил поднос с яйцами пашот и тостами. Не уходил.

— Что? — Лев поднял глаза. Красные. Белые вокруг радужки — как кипяток.

— Звонил Соболев. Вчера, поздно. Сказал, что договор по «Северной нефти» — под вопросом.

Лев усмехнулся. Коротко. Без звука.

— Соболев — баба. Передай: пусть смотрит на график за двадцать второго октября. Тогда он еще не был бабой.

Павел кивнул. Ушел.

Лев остался один. Посмотрел на яйца. Желток вытек на тарелку. Как глаз. Он отодвинул поднос.

Руки. Они дрожали, когда он тянулся к чашке. Мелкая дрожь. Как у алкоголика в похмелье. Но он не пил. Два года. Только цифры. Цифры — лучший наркотик.

Он спрятал руки под стол. Сжал в кулаки. Ногти впились в ладони. Боль была хорошей. Настоящей.

Вошла дочь. Таня. Пятнадцать лет. В школьной форме. Смотрела на него тем взглядом, который он ненавидел. Жалость пополам с презрением.

— Пап, ты опять не спал?

— Спал. Четыре часа. Этого достаточно.

— Нормальным людям нужно восемь.

— Я не нормальный.

Таня помолчала. Посмотрела на экран. На графики. На чашку черного кофе — пятую или шестую, она сбилась со счета.

— Руки, — сказала она тихо.

— Что — руки?

— Ты их прячешь.

Лев вытащил руки из-под стола. Положил на стол. Открыто. Дрожь стала сильнее, будто от воздуха. Как будто руки стыдились сами себя.

— Устал, — сказал он. — Много работал.

— Ты всегда так говоришь.

— Потому что это правда.

Таня взяла рюкзак. У двери остановилась. Не обернулась.

— Мама плакала ночью. Думала, ты не слышишь. Но стены тонкие.

Дверь закрылась.

Лев смотрел на дверь тридцать секунд. Потом перевел взгляд на экран.

Быки ожили. Рынок пошел вверх. Медведи — красные, злые — попятнулись. Лев купил еще. На триста тысяч. Без хеджа. Без страховки.

Пальцы стучали по клавишам. Дрожали. Но попадали точно.

В 9:47 он удвоил утренний выигрыш.

Сердце билось быстро. Хорошо. Как после спринта.

Он встал. Подошел к окну. Москва внизу — муравейник из машин и людей. Каждый муравей хотел денег. Но не знал, как их взять. А Лев знал.

Он посмотрел на свои руки в отражении стекла. Дрожь не прошла. Не проходила никогда. Только когда он спал. Но он спал мало.

— Лудоман, — прошептал он. Слово, которое сказал психиатр полгода назад. — Патологическая зависимость от риска. Вы не можете остановиться.

Дурак. Какой риск? Это расчет. Чистая математика. Быки и медведи. Он просто лучше всех видел, куда они побегут.

Телефон завибрировал. Соболев.

— Слушай, Лев, там по «Северной нефти» — реально проблемы. Контрагент требует предоплату семьдесят процентов.

— Пошли его в жопу.

— Лев, это серьезно.

— Я сказал — пошли в жопу. Или ты забыл, кто тут бык, а кто мясо?

Соболев замолчал. Долго. Потом бросил трубку.

Лев улыбнулся. Улыбка вышла кривой. Он не умел улыбаться с тех пор, как умер отец. Пять лет назад. Инфаркт за торговым терминалом. Так и не выпустил мышь из руки.

Яблоко от яблони.

Он допил кофе. Сделал еще три сделки. Две удачные, одна нет. Но день уже был выигран. Он знал это так же твердо, как знал, что солнце встает на востоке.

Руки дрожали, когда он закрыл ноутбук.

Он все еще не смотрел на них.

Глава 2. Встреча в «Атлантисе»

Лифт пахнет кожей и деньгами. Лев Тальский поправляет манжету. «Patek Philippe» на запястье показывает десять утра. Три часа назад он смотрел на другие стрелки. На рулетке.

— Мистер Тальский, — портье кланяется, не глядя в глаза. — Ваши гости уже в переговорной.

Лев кивает. У него нет слов для привратников. Он идет по мрамору. Зеркала в холле «Атлантиса» множат его фигуру — широкие плечи, серый костюм от Бриони, лицо, которое не читается. Гранит. Портные говорят: «С вашей спиной, Лев Аркадьевич, любой пиджак сидит как броня». Он не улыбается таким комплиментам. Он вообще редко улыбается.

В переговорной трое. Воронов — старый лис, пахнет сигарами и вежливой ложью. Коган — тот, кто считает чужие деньги быстрее своих. И молодой, в синем галстуке, — юрист, которого наняли, чтобы кивать.

— Лев Аркадьевич, — Воронов встаёт первым, тянет руку. — Мы слышаны о вашем интересе.

Лев садится. Не пожимает руку сразу. Сначала смотрит на воду. Бутылка «Svalbaroi», лед отдельно, ломтик лимона на блюде. Официант в белых перчатках наливает. Лев пьёт. Вода холодная. Вода ничего не лечит.

— Завод, — говорит он. Голос низкий, без интонаций. — «Красный металлург». Вы продаёте.

Коган поправляет очки:

— Активы чистые. Оборудование — немецкое, две тысячи двадцатый год. Долгов нет. Но цена...

— Цена будет моя, — Лев ставит стакан. Гранитная столешница помнит отпечатки сотен рук. Его не оставит.

Воронов улыбается. Улыбка вежливого волка.

— Лев Аркадьевич, мы бизнесмены. Торг — это танец.

— Я не танцую.

Молодой юрист открывает папку. Лев не смотрит на него. Он смотрит в окно. Небо серое. Москва в марте похожа на больного старика. В три ночи, когда крупье в «Сочи» забрал последний фиш, небо было таким же. Он проиграл три завода. За тридцать минут. Час назад он подписал перевод денег с Кипра. Там осталось ещё на два таких завода. Или на одну ночь.

— Триста двадцать миллионов, — называет Коган. — С учётом амортизации.

Лев молчит. В переговорной слышно, как дышит кондиционер. И как юрист сглатывает.

— Двести семьдесят, — говорит Лев. — Сделка за тридцать минут. Или я иду к Федотову.

У него тоже завод.

Воронов делает паузу. Это его коронный приём. Лев знает. Лев знает все приёмы. Когда ты проигрываешь состояние за столом, ты узнаёшь, кто сколько стоит. Воронов стоит ровно тридцать секунд молчания. Не больше.

— Двести восемьдесят, — говорит Воронов. — И вы берёте социальные обязательства. Люди не на улице.

Лев кивает. Один раз.

— Двести восемьдесят. Без проверок. Деньги сегодня. Бумаги через час.

Коган моргает. Он не привык к скорости. Но Лев Тальский всегда был быстрым. Когда он входил в игорный зал «Ритца» в Каннах, крупье говорили: «Русский танк». Он садился за стол и забирал миллионы. Иногда. В прошлом году он выиграл тридцать пять миллионов евро за ночь. И проиграл их через две недели. Воду пить можно. Водой не напешься.

— У вас железный кулак, Лев Аркадьевич, — Воронов протягивает руку. Теперь Лев её пожимает. Ладонь сухая, твёрдая. Воронов чувствует кости.

— У меня железный график, — отвечает Лев. — Я даю вам два часа на бумаги.

Он встаёт. Костюм не мнётся. Лицо — как у человека, который не спит по ночам. Но никто не знает почему. Воронов думает: «Сделка, недосып, перелёт». Коган думает: «Цену сбил, жёстко, профессионал». Юрист просто думает, что хочет в туалет.

Лев берёт бутылку воды с собой. Выходит. В коридоре зеркала. Он смотрит на себя. Гранит. А под гранитом — пустота. Или огонь. Он не знает. В три ночи он стоял у окна в номере и сжимал чехол от клюшек для гольфа. Чехол стоил три тысячи евро. Внутри не было клюшек. Он их проиграл тоже. Вместе с заводом в Екатеринбурге. Вместе с заводом под Тверью. Вместе с заводом в Ростове.

Лифт спускается. Лев допивает воду. Бутылка пустая. Он смотрит на неё. В стекле отражается люстра. Похожа на рулетку. Похожа на колесо.

Он выбрасывает бутылку в урну. Звук пластика о металл. Никто не оборачивается. В «Атлантике» все заняты своими деньгами. Или чужими.

В машине его ждёт Роман — водитель и единственный человек, который видел Льва пьяным. Два года назад. В Баден-Бадене. Роман ничего не говорит. Лев садится на заднее сиденье.

— В офис?

— В офис, — Лев закрывает глаза.

Машина едет. Лев считает в уме. Двести восемьдесят миллионов — покупка. Пятьдесят — модернизация. Двадцать — налоги. Остаётся двести. Если повезёт. Если не повезёт — он сядет за стол в «Космосе» через три дня. Или сегодня ночью.

Он открывает глаза. Достает телефон. Три пропущенных от крупье. Три сообщения от «отеля Космополитен»: «Ждём вас, мистер Тальский». Он удаляет. Потом пишет: «Забронируйте стол на завтра. 23:00».

Пальцы не дрожат. Никогда.

Водитель смотрит в зеркало. Роман всё видит. Роман ничего не говорит. Хороший водитель стоит столько же, сколько хороший психиатр. Но психиатр задаёт вопросы.

В зеркале заднего вида лицо Льва Тальского. Гранит. Только глаза. В глазах — красные ниточки. В три ночи они были такими же. И в пять утра. В семь он пил воду. Водой не напьешься.

Машина сворачивает на Тверскую. Лев снова закрывает глаза. Ему снится колесо. Не рулетка. Просто колесо. Оно крутится. Оно всегда крутится.

Он не просыпается до самого офиса.

Глава 3. Русская рулетка

Звонок раздался в четыре пятнадцать. Лев Львович знал, кто это, еще до того, как взял трубку. Такие звонки не бывают случайными.

— Лев Львович, — голос был тихий, почти шепот. Так разговаривают в церкви или на исповеди. — Сегодня будет русская рулетка. Живая.

В трубке шелкнуло. Короткие гудки.

Он положил трубку на рычаг. Рука не дрожала. Это пришло потом, через минуту, когда он уже наливал виски. Дрожь поднялась от пальцев к запястьям, прошла по предплечьям, остановилась в груди. Он смотрел, как колышется янтарная жидкость в стакане.

— Живая, — повторил он вслух. Слово повисло в кабинете, среди кожаных кресел и запаха сигар.

Он выпил. Не залпом, как раньше, а маленькими глотками, чувствуя, как тепло расходится по горлу. Дрожь ушла. Остался холод. Тот самый, который он знал двадцать лет. Который не проходил ни после водки, ни после женщин, ни после самых крупных сделок.

В дверь постучали.

— Лев Львович, у вас совещание через пятнадцать минут.

Это секретарша Леночка. Работает у него пять лет. Не знает ничего. Думает, что он просто богатый бизнесмен с тяжелым характером.

— Отмени, — сказал он. — Все на сегодня отмени.

— Но там контракт на —

— Я сказал, отмени.

Голос был спокойным. Леночка не спорила. Она научилась не спорить после того, как увидела его глаза в прошлом году, когда рухнула нефтяная сделка.

Он остался один. Подошел к окну. Москва внизу была серой, ноябрьской, с мелкими людьми в черных пальто. Они шли, не зная, что где-то наверху стоит человек, который через несколько часов сядет за стол с револьвером.

В кармане завибрировал телефон.

— Да.

— Лев, это Олег. Ты слышал про вечер?

Олег Рязанцев. Единственный, кто знал. Кто был рядом в девяносто первом, когда они начинали с челноков. Кто вытащил его из первой серьезной игры в девяносто четвертом, когда он проиграл почти все. Почти.

— Слышал.

— Не езд. Лев, послушай меня как старшего брата. Я никогда не играл, в эту твою рулетку. Но живую — это не игрушки.

— Кто будет?

— Не знаю. Организатор сказал — двое. Плюс ты. Один выстрел на троих. У каждого свой револьвер.

— Шансы, — сказал Лев Львович и усмехнулся. — Один к шести на каждого. Тридцать три процента, что никто не умрет. Если барабан прокручивают правильно.

— Ты с ума сошел. Ты слышишь себя?

— Я всегда слышу себя, Олег. Это хуже всего.

В трубке замолчали. Лев Львович слышал дыхание друга. Тяжелое, с хрипотцой. Олег курил три пачки в день и не собирался бросать.

— Помнишь Апреля? — спросил Олег тихо.

Лев Львович закрыл глаза. Апрель. Сережа Апрельский. Мальчик с золотыми зубами и огромными глазами. Они играли в покер в «Метрополе» в две тысячи третьем. Сережа проиграл три миллиона, взял пистолет и вышел в туалет. Никто не успел остановить.

— Он не умел проигрывать, — сказал Лев Львович.

— А ты умеешь?

— Я умею ждать.

Он нажал отбой. Посмотрел на часы. До сбора в клубе оставалось пять часов. Пять часов, чтобы позвонить детям. Чтобы написать завещание. Чтобы просто сесть в машину и уехать на дачу, выключить телефон, выпить и проспать до утра.

Он взял телефон. Набрал номер дочери.

— Папа? — голос Кати был удивленным. Он звонил ей раз в две недели, по воскресеньям. Сегодня была среда.

— Катя, как ты?

— Нормально. А что случилось?

— Ничего. Просто позвонил.

— Ты пьяный?

— Нет. Трезвый как стекло.

— Это страшно, — она засмеялась. — Ты когда трезвый, всегда звонишь с плохими новостями. У тебя рак?

— Нет.

— Банкротство?

— Нет. Просто звоню. Скучаю.

На том конце повисла тишина. Катя знала его лучше, чем он думал. Дочь всегда чувствовала ложь.

— Пап, — сказала она медленно. — Ты что, опять в это играешь?

— Во что?

— Ты знаешь во что. Мама рассказывала.

Бывшая жена. Она ушла в девяносто восьмом, забрала Катю и младшего Сашу. Сказала: «Ты играешь не с картами, Лев. Ты играешь с адом». Он тогда рассмеялся. Думал, она преувеличивает.

— Мама много рассказывает, — сказал он.

— Папа, приезжай завтра. Мы с Сашей будем дома. Я пирог испеку.

— Хорошо, Катя. Приеду.

Он не сказал «обязательно». Никогда не говорил этого слова.

Положил трубку. Посмотрел на свои руки. Крупные, с ухоженными ногтями, без колец. Руки человека, который подписывал контракты на миллиарды. И который три года назад нажал на курок в пустом барабане, когда играл один в своем кабинете, просто чтобы проверить — дрогнет ли рука.

Не дрогнула.

Он надел пальто. Вышел из офиса. Леночка подняла голову, хотела что-то сказать, но передумала. В лифте он встретил соседа по этажу — какого-то банкира с вечно влажными ладонями.

— Лев Львович, слышал, вы нефтянку закрываете? Это правда?

— Правда.

— Жалко. Хороший был бизнес.

— Все бизнесы хорошие, пока не умрешь.

Банкир не понял шутки. Засмеялся нервно, поправил галстук. На первом этаже они разошлись в разные стороны.

Машина ждала у подъезда. Водитель Серега — бывший десантник, знающий только маршруты и молчание.

— В клуб, — сказал Лев Львович.

— В какой?

— Обычный.

Серега кивнул. Он знал, что «обычный» — это тот, о котором никто не говорит. Тот, куда Лев Львович ездит раз в месяц, а возвращается белым как полотно.

В машине он достал фляжку. Внутри был коньяк. Дорогой, выдержанный, почти черный. Сделал два глотка. Серега не смотрел в зеркало.

— Лев Львович, может, в баню? — спросил вдруг водитель. — Там и пар хороший, и девчонки.

— В клуб, Серега.

— Понял.

Больше он не говорил.

Москва плыла за окном. Огни зажигались рано, в четыре тридцать уже темно. Люди спешили домой, в тепло, к ужину. Лев Львович смотрел на них и завидовал. Не деньгам, не свободе. Их способности бояться простых вещей — потерять кошелек, опоздать на поезд, поругаться с женой. Он давно уже не боялся ничего из этого. Он боялся только одного — тишины. Той, которая наступает после выстрела. Или до него.

Через час он стоял перед дверью клуба. Обычная дверь в старом переулке. Ни вывески, ни охраны. Только домофон и маленькая видекамера над козырьком.

Он набрал код. Дверь шелкнула.

Внутри пахло деревом и табаком. Коридор, потом лестница вниз. Подвал. В подвале — комната. Стол. Три стула. На столе — три револьвера. Старые, наганы, с потертыми рукоятками.

Организатора не было. Он никогда не появлялся до начала.

Лев Львович сел на свой стул. Тот, что посередине. Достал из кармана монету. Старый рубль, еще советский. Подбросил. Поймал.

Орел.

Он усмехнулся и положил монету обратно.

В дверь вошел первый игрок. Молодой, лет тридцати, в дорогом костюме. Глаза — как у загнанного зверя. Узнал Льва Львовича, кивнул. Не поздоровался.

— Вы играли раньше? — спросил Лев Львович.

— В казино.

— Я не про казино.

Молодой сел на стул слева. Руки дрожали. Он пытался спрятать дрожь, но не получалось.

— Я проиграл все, — сказал он вдруг. — Дом, бизнес, жену. Осталось только это.

— Это не выход, — сказал Лев Львович.

— А что выход?

— Ничего. Выхода нет.

Вошёл второй. Пожилой, лет шестидесяти. Спокойный, с сединой на висках. Одет просто — свитер, джинсы. На пальце — обручальное кольцо.

— Здравствуйте, — сказал он. — Я Иван Петрович.

Лев Львович кивнул. Не представился.

Все сели. На столе, кроме револьверов, лежали три патрона. Медные, тяжелые, пахнущие маслом.

— Правила, — раздался голос из динамика над дверью. Организатор. Где-то наверху, в другой комнате. — Каждый заряжает свой револьвер. Один патрон. Прокручивает барабан.

Стреляет в потолок. Если осечка — играет дальше. Если выстрел — игрок выбывает. Живым или мертвым. Игра до последнего.

— Прямо сейчас? — спросил молодой. Голос сорвался.

— Прямо сейчас.

Лев Львович взял свой револьвер. Наган образца 1895 года. Тяжелый, холодный. Открыл барабан. Вставил патрон. Прокрутил. Закрыл.

Остальные сделали то же. Молодой прокрутил три раза — видно, боялся. Иван Петрович — один раз, спокойно, как будто заряжал ручку.

— Первый — молодой, — сказал динамик.

Молодой поднял револьвер. Рука ходила ходуном. Нажал на курок.

Щелчок.

Пусто.

Он выдохнул. Громко, как ребенок после долгого плача.

— Второй — Иван Петрович.

Иван Петрович поднял револьвер. Не спеша. Прицелился в потолок. Спокойно нажал.

Щелчок.

Пусто.

— Третий — Лев Львович.

Он поднял револьвер. Рука не дрожала. Холод внутри стал плотным, как лед. Он посмотрел на дуло. Темное, глубокое, как сон.

— Ты не боишься? — спросил вдруг молодой.

Лев Львович не ответил.

Он нажал на курок.

Щелчок.

Пусто.

Тишина. Только гудят лампы дневного света.

— Продолжаем, — сказал динамик.

Молодой снова поднял револьвер. Теперь он плакал. Слезы текли по щекам, но он не вытирал их. Нажал.

Щелчок.

Иван Петрович нажал.

Щелчок.

Лев Львович нажал.

Щелчок.

Каждый выстрел отзывался в груди тупой болью. Не от пули — от ожидания. От секунды между нажатием и щелчком.

— Пятый круг, — сказал динамик. Голос был бесстрастным, как у диктора на вокзале.

Молодой уже не плакал. Он смотрел в одну точку на стене. Поднял револьвер. Нажал.

Щелчок.

Иван Петрович усмехнулся. Поднял револьвер.

— Знаете, — сказал он, — у меня рак. Поджелудочной. Третья стадия. Мне все равно.

Он нажал.

Выстрел.

Грохот в маленькой комнате. Звон в ушах. Пахнуло гарью.

Иван Петрович сидел с открытыми глазами. В потолке — дырка. Он опустил револьвер, положил на стол.

— Выбываю, — сказал он спокойно. — Удачи, мальчики.

Встал. Вышел. Не оглянулся.

Молодой смотрел на дверь. Потом на Льва Львовича.

— Как вы это делаете? — спросил он шепотом.

— Что именно?

— Не бойтесь.

Лев Львович посмотрел на свой револьвер. Потом на молодого.

— Я боюсь каждый день, — сказал он. — Просто привык.

— Шестой круг, — сказал динамик. — Последний.

Молодой взял револьвер. Закрыв глаза. Нажал.

Щелчок.

Он заплакал снова. Но теперь — от облегчения. Встал, шатаясь, вышел, не попрощавшись.

Лев Львович остался один.

Он поднял револьвер. В барабане — один патрон. Пять пустых камор. Прокрутил еще раз, на всякий случай.

— Игра окончена, — сказал динамик. — Вы выиграли.

— Я не выиграл, — сказал Лев Львович в потолок. — Я просто не проиграл.

Он положил револьвер на стол. Достал монету. Подбросил. Поймал.

Решка.

Он вышел на улицу. Ночь была холодной, но безветренной. Серега стоял у машины, курил.

— Поехали домой, — сказал Лев Львович.

— В какую квартиру? У вас их три.

— В ту, где нет оружия.

Серега затушил сигарету. Открыл дверь.

В машине Лев Львович достал телефон. Написал Кате: «Приеду в субботу. Пирог не пеки — куплю вина». Отправил.

Потом набрал Олега.

— Живой, — сказал он.

— Слышал. Мне позвонили. Кто вы был?

— Старик. С раком.

— Ему нечего было терять.

— Никому нечего терять, Олег. Просто не все это знают.

Он нажал отбой. Откинулся на сиденье. Холод внутри никуда не ушел. Он просто научился с ним жить. Как с лишним пальцем. Как с чужим сердцем.

Машина ехала по ночной Москве. Город горел огнями, как игорный стол. И Лев Львович знал, что это была всего лишь игра. И что следующая начнется завтра. Или через неделю. Или через час.

Потому что настоящий лудоман не может остановиться. Он может только проиграть. Или выиграть передышку.

До следующего звонка.

Глава 4. Утро начинается с запаха кофе и цифр

Лев Тальский смотрит в зеркало. Не в то, что в ванной, а в большое, в полный рост, в кабинете. За его спиной — стеклянная стена, за ней Москва, серая, как старый асфальт.

— Днем я собираю деньги, — говорит он. Голос сухой. Как хруст бумаги. — Ночью я их сжигаю.

Зеркало молчит. Оно всегда молчит. Хорошее зеркало.

— Это честный обмен.

Лев поправляет галстук. «Бриони». Тысяча двести долларов. На прошлой неделе он купил три таких. Потом проиграл двести тысяч на испанском дерби. Сжег. Красиво сжег.

В дверь стучат.

— Лев Аркадьевич, — это Паша, водитель. Голос у Паши такой, будто он всегда извиняется. — К десяти в банке.

— Знаю.

— И Матвеев звонил. Говорит, сделка по «Трансметаллу»...

— Потом.

Лев выходит из кабинета. В коридоре пахнет кожей и дорогим деревом. Картины. Настоящие. Он их не смотрит. Когда смотришь на картины, думаешь о вечном. О вечном думать нельзя. Вечное — это когда кончились деньги.

В машине он листает телефон. Три непрочитанных от Кати. «Привет», «Как дела?», «Ты обещал позвонить». Он ставит «прочитано». Катя — девочка, которая живет в его пентхаусе. Дорогая. Как картина. Только картины не звонят.

В банке пахнет деньгами. Не наличными — деньгами как идеей. Стерильно. Как в операционной.

— Лев Аркадьевич, — управляющий, молодой, в очках без оправы, улыбается так, будто знает секрет. — Мы всё подготовили.

— Давай без воды.

— Семьдесят миллионов. Перевод подтвержден.

Лев кивает. Семьдесят. Утром было восемьдесят два. Десять он спустил ночью. На киберспорт. Ставил на корейского мальчика. Мальчик проиграл. Лев смотрел, как гаснут цифры на экране, и чувствовал то, что чувствуют другие, когда... когда что? Он не знал. Никто не знал. Он пил виски, один, в темноте. Потом заказал такси. Своей машиной пользоваться не хотел. Своя машина — это ответственность.

— Документы, — говорит управляющий.

Лев подписывает. Ручка скользит. Бумаги шелестят. Всё правильно. Днем собираешь.

Обедает он один. Ресторан в башне «Федерация». За соседним столиком двое в пиджаках. Говорят про крипту. Лев их не слушает. Он смотрит в тарелку. Тартар из говядины. Две тысячи рублей. Он мог бы съесть то же самое за двести. Но не в этом дело. Дело в том, что тарелка красивая. Белая. Как зеркало, если в него долго смотреть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.